

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

АЛЕКСАНДР ЛУЧКОВ

ЗАГОВОР ПРОТИВ НИКОЛАЯ II

КАК МЫ ИЗБАВИЛИСЬ ОТ ЦАРЯ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2023

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)
Г 93

Гучков А.И.

Г 93 Заговор против Николая II. Как мы избавились от царя. – М.: Родина, 2023. – 240 с.: илл. – (Русская история).

ISBN 978-5-00180-578-6

Александр Иванович Гучков – один из самых крупных политических деятелей дореволюционной России, член Государственной Думы и Государственного совета, лидер влиятельной партии «октябристов», в 1917 году – военный и морской министр Временного правительства; с 1913 года он входил также в Военную масонскую ложу.

Именно Гучков являлся автором и организатором дворцового переворота, целью которого было, используя связи с рядом военачальников (М. В. Алексеевым, Н. В. Рузским и др.), заставить Николая II отречься от престола. В первые дни марта 1917 года план Гучкова был осуществлен, с царствованием Николая II и монархией в России было покончено.

В своих воспоминаниях А.И. Гучков делится подробностями этого, пожалуй, самого удачного заговора за всю русскую историю.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-00180-578-6

© ООО «Издательство Родина»,
2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-----------------------	---

ВОСПОМИНАНИЯ А.И. ГУЧКОВА

Отношения с Николаем II. Влияние Витте	11
Столыпин. Его противники	31
Кризис власти	48
Распутин. «Темные силы»	65
Заговор против Николая II	93
План переворота	108
Февральская революция	135
Временное правительство и Советы	147
Бессилие Керенского	162
«Наверху пустота, внизу бездна»	177
Заключение	181
Примечания	185
<i>Я.А. Седова.</i> Комментарии	201

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стенограммы бесед А.И. Гучкова с Н.А. Базили хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета¹. Бумаги Базили² поступили в архив Гуверовского института в мае 1965 г. в качестве дара от его вдовы Л. де Базили³.

Готовясь к интервью с Гучковым, Базили составил перечень вопросов, которые он предполагал задать во время беседы⁴. Свидание состоялось в клубе за завтраком в присутствии Руманова. Здесь же последний записал фрагмент воспоминаний Гучкова, который позднее опубликовал⁵.

Запись первого интервью сделана 5 ноября 1932 г., последнего из имеющихся — 5 февраля 1933 года. Их беседы, как правило, начинались в 17—17.30 и длились 2—3,5 часа. Некоторые дополнительные сведения о стенографировании бесед мы получили из сохранившегося в фонде Базили рукописного отчета стенографистки (на одной стороне листа без даты), с подзаголовком «Memoire». В нем перечисляются лица, с которыми она работала, указываются места встречи, даты (без года), количество затраченного времени, расценки. Среди прочих имеется запись за 30 января: «Запись у Гучкова с 5—7 1/2 = 2 1/2-70». Далее идет сообщение о расшифровке записи беседы с Гучковым на 30 страницах, сделанной в тот же день. Однако этой стенограммы в фонде Базили не обнаружено. Следовательно, имела место, по крайней мере, еще одна беседа с Гучковым, следы которой теряются⁶.

Не все, о чем говорилось во время бесед, попало в стенограмму. В одних случаях это было сделано сознательно, ряд разговоров участники беседы просили не стенографировать, о чем есть записи в тексте. 30 августа 1935 г. Базили благодарил Гучкова за то, что тот находит время «заканчивать исправление и дополнение наших записей»⁷. По свидетельству Элькина и Николаевского, разбиравшего архив Гучкова, стенограмма была просмотрена и подписана Гучковым, подтвердившим правильность воспроизведения ответов на поставленные вопросы.

Что касается авторизованного экземпляра, то просмотренные нами материалы позволяют думать, что он был передан Гучковым Базили, а тот уже после смерти Гучкова отдал его душеприказчикам последнего. Это, видимо, и есть тот экземпляр, о котором известно, что он пропал в Париже во время войны. Таким образом, экземпляр, оставшийся у Базили и переданный затем в Гуверовский институт, по всей вероятности, является единственным сохранившимся. Ссылки на эти стенограммы отсутствуют также и у биографов Гучкова⁸.

Кроме десяти стенографических записей бесед Гучкова с Базили, в этой же коллекции хранится стенограмма под заглавием «Беседа с А.И. Гучковым», датированная 10 февраля 1936 года. Следовательно, запись произведена за три дня до смерти. Последний год жизни Гучков был тяжело болен. В 1935 г. у него обнаружили рак кишечника. 21 октября его поместили в клинику Мирабо в Париже, где в декабре он перенес тяжелую операцию, но быстро оправился. Гучков не подозревал, от какого недуга страдает, и твердо верил в выздоровление. У его постели постоянно находились жена и дочь, В. Трэйл⁹.

О своей смертельной болезни он узнал за неделю до кончины и начал готовиться, «методически приводя в порядок свои дела и отдавая предсмертные распоряжения»¹⁰. Умиравший до последнего дня принимал посетителей, около него сидела стенографистка. «Беседа» представляет собой стенографическую запись на 3 1/2 листах (машинопись). Каждый лист подписан В.Б. Ельяшевичем, его же рукой сделана правка «Беседы». Это позволяет нам считать его последним интервьюером Гучкова¹¹.

В предсмертных воспоминаниях Гучков коснулся эпизода, о котором ранее не упоминал. Речь идет о смерти генерала Крымова, об обстоятельствах которой ему сообщил подъесаул Кульгавов, адъютант генерала. Надо отметить, что к этому сюжету он обращался и ранее. В нашем распоряжении имеется запись беседы Николаевского с Гучковым 2 апреля 1929 г., содержащая некоторые детали выступления Корнилова. В частности, рассказ адъютанта излагается так: «После панихиды подошел адъютант Крымова, который сказал, что Кр[ымов] перед смертью просил его рассказать мне все подробности дела. Дело было, оказывается, так. Крымов был на фронте у Деникина; последний как-то его позвал и говорит, что Крымова скоро должен будет вызвать Корнилов и поручить ему поход на Птб; Ден[икин] советовал Крымову за это дело не браться, т. к. оно очень ненадежно. Тем не менее, Крымов, когда получил предложение, взялся (в остальном, ничего нового)»¹². В записи же 1936 г. сказано: «Адъютант Крымова передал А. И., что когда он раненный лежал на полу, он сказал: «Если бы мне попался в руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил». В тексте это место взято в квадратные скобки, а на полях сделана запись: «Не для опубликования»¹³. Это дополнение позволяет по-новому

взглянуть на содержание не дошедшего до нас последнего письма Крымова Корнилову, о котором известно из воспоминаний Лукомского.

* * *

Рассказывая об истории возникновения стенограмм, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний о Гучкове как мемуаристе. После окончания гражданской войны, оказавшись в эмиграции, он продолжал довольно активно заниматься политической деятельностью¹⁴. Написание же мемуаров, по-видимому, не входило в его первоочередные планы. Первые из имеющихся у нас стенограмм воспоминаний Гучкова относятся к марту-апрелю 1929 года. Записи его рассказов были организованы Николаевским и Элькиным в Берлине. Затем уже упоминавшиеся беседы в 1932—1933 гг. с Базили и в 1936 г. с Ельяшевичем. По всей вероятности, Гучков не очень был расположен записывать воспоминания, что и подтверждают хорошо знавшие его люди. Так, Николаевский писал, что Гучков «очень любит говорить о прошлом, но не говорить для печати. Он мечтает о том, чтобы написать воспоминания, подвести итоги, — и колеблется, боится взять непосильную ношу»¹⁵. У Николаевского было «много разговоров с Гучковым, он хотел, чтобы я написал по его рассказам его воспоминания. На основе рассказов я составил очень подробный план, который испугал Гучкова, так как роль Гучкова, как я узнал позднее от его жены, в моем плане вырисовывалась как чересчур революционная. В нем веками намечен весь жизненный путь Гучкова»¹⁶.

Судя по этим свидетельствам, он отдавал предпочтение устным рассказам, причем знавшие его люди отмечали определенные отличия в его рассказах. Николаевский

писал: «А. И. разным людям свои взгляды представлял поразному»¹⁷. Милюков об оставшихся после Гучкова стенографических записях, продиктованных в разное время разным людям, подчеркивал, что об одних и тех же событиях он говорил с неодинаковой степенью подробности¹⁸. Это надо учитывать при анализе воспоминаний. Следует отметить и очень цепкую память Гучкова на отдаленные события. Ряд фактов он воспроизводит с поразительной точностью и мельчайшими подробностями.

Соломон Ляндрес — сотрудник Стэнфордского университета (США).

Анатолий Васильевич Смолин — доктор исторических наук, профессор СПбГУ.